

Леонид Андреев

ДНЕВНИК САТАНЫ

Леонид Николаевич Андреев
Дневник Сатаны.
Вечные истории
Серия «Вечные истории (МИФ)»
Серия «МИФ Проза»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74365646
Дневник Сатаны / Л. Н. Андреев: ООО «МИФ»; Москва; 2026
ISBN 9785002810475*

Аннотация

Леонида Андреева, «Ивана Карамазова русской литературы», одни считали гением, другие – безумцем. В своей прозе, не знающей полутонов, он дает новый, порой даже пугающий взгляд на темы добра и зла, одиночества и свободы и заглядывает так глубоко в человеческую душу, как никто до него.

В сборник вошли рассказы «Покой» и «Правила добра» и роман «Дневник Сатаны».

В этих произведениях, составляющих андреевскую «дьяволиаду», умирающий сановник выбирает между небытием и вечной жизнью, черт пытается научиться добру, а вочеловечившийся Сатана сталкивается с реальностью, в которой человек давно превзошел его самого.

Содержание

Покой	6
Правила добра	16
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Леонид Андреев

Дневник Сатаны

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Печатается по изданиям: Андреев Л. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Худож. лит., 1994. 640 с.; Андреев Л. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1996. 720 с.

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

Покой

Умирал важный, старый сановник, большой барин, любивший жизнь. Умирать ему было трудно: в Бога он не верил, зачем умирает – не понимал, и ужасался ужасом безумным. Было страшно смотреть на него, как он мучился.

Позади умирающего сановника была большая, богатая, интересная жизнь, в которой не оставались праздными сердце и мысль и получали свое удовлетворение. И устали сердце и мысль, устало все пожившее, тихо холодеющее тело. Глаза устали смотреть даже на прекрасное – насытилось зрение; и ухо стало слышать, и сама радость сделалась тяжелою для утомленного сердца. И пока был сановник на ногах, о смерти он помышлял даже с некоторым удовольствием: отдохну, по крайней мере, – думал он; перестанут целовать, уважать и ходить с докладами, – думал он с удовольствием. Да, думал... а вот когда свалился он на смертный одр, то стало невыносимо больно и ужасно до последнего ужаса.

Хотелось пожить еще, – хоть немного, хоть до будущего понедельника или, еще лучше, до среды или до четверга. Од-

нако настоящего дня, в который он умер, он так и не узнал, хотя их всего только семь в неделе: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота и воскресенье.

Тут-то, в этот самый неизвестный день, и пришел к сановнику черт, обыкновенный черт, каких много. В дом он вошел под видом священника, ладана и свечей, но умершему предстал во всей своей святой правде. Сановник сразу догадался, что черт пришел неспроста, и обрадовался: раз существует черт, то смерти настоящей нет, а есть какое-то бессмертие. В крайнем же случае, если нет бессмертия, то можно продлить и эту жизнь, продав душу на выгодных условиях. Это было очевидно, а от испуга совсем ясно.

Но черт имел вид усталый и недовольный, долго не начинал разговора и оглядывался брезгливо и кисло, как будто не туда попал. Это обеспокоило сановника, и он поскорее предложил черту сесть; но, и усевшись, черт продолжал глядеть все так же кисло и молчал.

«Вот они какие, – думал сановник, потихоньку разглядывая чуждое, более чем иностранное лицо посетителя. – Ну и противная же харя, господи! Я думаю, что и там он не считается красивым».

А вслух сказал:

– А я вас не таким представлял.

– Что? – недовольно спросил черт и кисло сморщился.

– Не таким вас представлял.

– Пустяки.

Ему все это говорили при первом знакомстве, и надоело слышать одно и то же. А сановник думал:

«Не предлагать же ему чаю или вина, — у него и пасть такая, что пить он не может».

— Вот вы и умерли... — начал черт лениво и скучно.

— Ну что вы! — возмутился и испугался сановник. — Я вовсе еще не умирал.

— Другому скажите, — равнодушно огрызнулся черт и продолжал: — Вот вы и умерли... так что же нам теперь делать? Дело серьезное, и вообще надо же этот вопрос решить.

— Но неужели это — правда: я уже умер? — ужасался сановник. — Ведь мы же... разговариваем.

— Ну, а когда вы едете на ревизию, вы сразу попадаете в вагон? Вы еще сидите на станции.

— Так, значит, это — станция.

— Ну да. А то что же?

— Понимаю, понимаю. Значит, вот это уже не я. А где же я, то есть мое тело?

Черт неопределенно мотнул головой:

— Недалеко. Вас сейчас обмывают теплой водой.

Чиновнику стало стыдно; вспомнил некрасивые, жирные складки на пояснице, и стало еще стыднее. Он знал, что покойников обмывают женщины.

— Глупый обычай, — сказал сановник сердито.

— Ну, уж это — ваше дело, а я тут ни при чем. Но, однако, я попросил бы вас перейти к вопросу, а то времени мало. Вы

очень быстро портитесь.

— В каком смысле? — похолодел сановник. — В... в обыкновенном?

— Ну да. А то в каком же? — с горькой иронией передразнил его черт. — Мне, извините, ваши вопросы надоели. Извольте выслушать внимательно, что я вам изложу, — повторять не стану.

И в очень скучных выражениях, тягучим голосом повторяя то, что, видимо, самому ему надоело до последней степени, черт изложил следующее. Для старого, важного, уже скончавшегося сановника есть две возможности: или пойти в окончательную смерть, или же в особенную, несколько странную и даже подозрительную жизнь, — как он хочет, как он выберет. Если он выберет первое, — смерть, — то для него наступит вечное небытие, молчание, пустота...

«Господи, это и есть то самое ужасное, чего я так боялся», — думал сановник.

— Ненарушимый покой... — продолжал черт, с некоторым любопытством разглядывая незнакомый потолок. — Вы исчезнете бесследно, ваше существование прекратится абсолютно, вы никогда не будете говорить, думать, желать, испытывать боль или радость, никогда больше не произнесете «я», — вы исчезнете, погаснете, прекратитесь, понимаете, станете ничто...

— Нет, нет, не хочу! — крикнул сановник.

— Но зато покой, — наставительно сказал черт. — Это, знае-

те, тоже чего-нибудь стоит. Уж такой покой, что лучше придумать нельзя, сколько ни думайте.

– Не хочу покоя, – решительно сказал сановник, а усталость отозвалась в мертвом сердце мертвою мольбою: «Дайте покоя, покоя, покоя».

Черт пожал волосатыми плечами и утомленно продолжал, как приказчик в модном магазине к концу бойкого торгового дня:

– Но, с другой стороны, я имею вам предложить вечную жизнь...

– Вечную?

– Ну да. В аду. Ну, конечно, это не совсем то, чего бы вам хотелось, но тоже жизнь. У вас будут кое-какие развлечения, интересные знакомства, разговоры... а главное, вы сохраните навеки ваше «я». Вы будете жить вечно.

– И страдать? – пугливо спросил человек.

– Но что такое страдание? – брезгливо сморщился черт. – Это страшно, пока не привыкнешь. И я должен вам заметить, что если у нас и жалуются на что-нибудь, так именно на привычку.

– А у вас много народу?

Черт покосился:

– Есть-таки. Да, на привычку. На этой почве, знаете ли у нас недавно вышли крупные беспорядки: требовали новых мучений. И где их взять? Кричат: шаблон, рутина...

– Ужасно глупо! – сказал сановник.

– Да, докажите-ка им. По счастью, наш...

Черт почтительно привстал и сделал подлое лицо; такое же лицо, на всякий случай, сделал и сановник.

– Наш маэстро предложил грешникам: пожалуйста, мучайте себя сами. Пожалуйста!

– Самоуправление, так сказать, – отозвался сановник с иронией.

Черт сел и засмеялся:

– Теперь они придумывают. Ну так как же, дорогой мой? Надо решать.

Сановник задумался и, уже веря черту как родному брату, несмотря на его гнусную рожу, нерешительно спросил:

– А как бы вы посоветовали?

Черт нахмурился:

– Нет, это вы оставьте. Я тут ни при чем.

– Ну так я не хочу в ад!

– Ну и не надо. Распишитесь.

Черт положил перед сановником бумажку, довольно грязную, больше похожую на носовой платок, чем на такой важный документ.

– Вот тут, – показал он когтем. – Нет, нет, не там, это – если хотите в ад. А смерть вот здесь.

Сановник подержал перо и со вздохом положил.

– Вам легко, – сказал он укоризненно. – А каково мне? Скажите, пожалуйста, у вас чем мучат главным образом? Огнем?

– Да, и огнем, – равнодушно ответил черт. – У нас есть праздники.

– Да что вы! – обрадовался сановник.

– Да. По воскресеньям и табельным дням полный отдых; в субботу, – черт продолжительно зевнул, – занятия только от десяти до двенадцати.

– Так, так. Ну, а Рождество и вообще?..

– На Рождество и на Пасху по три дня свободных, да вот еще летом каникулы на месяц.

– Фу-ты! – радовался сановник. – Это даже гуманно. Вот не ожидал! Ну, а если... в крайнем, конечно, случае... подать рапорт о болезни?

Черт пристально посмотрел на сановника и сказал:

– Пустяки.

Сановнику сделалось стыдно; застыдился слегка и черт. Вдохнул и заволок глаза. Вообще видно было, что либо он не доспал сегодня, либо все это смертельно ему надоело: умирающие сановники, небытие, вечная жизнь. На правой ноге к шерсти пристал кусочек сухой грязи.

«Откуда это? – подумал сановник. – И почиститься лень».

– Так. Значит, небытие, – задумчиво сказал человек.

– Небытие, – как эхо, не открывая глаз, отозвался черт.

– Или вечная жизнь.

– Или вечная жизнь.

Долго думал умерший. Там уже и панихиду отслужили, а он все думал. И те, кто видели на подушке его необычно-

венно строгое, серьезное лицо, никак не предполагали, что за странные сны развеваются под холодным черепом. И черта не видели. Курился, растворяясь, последний ладан, пахло притушенными восковыми свечами и еще чем-то как будто пахло.

– Вечная жизнь, – не открывая глаз, задумчиво повторил черт. – Объясни ему получше, что значит вечная жизнь; ты плохо, говорит, объясняешь, – а разве он, дурак, когда-нибудь поймет...

– Это вы про меня? – с надеждой спросил сановник.

– Так, вообще. Мое дело маленькое, но как посмотришь на все на это...

Черт уныло замотал головой. Сановник также в знак сочувствия покачал головой и сказал:

– Вы, видимо, не удовлетворены, и если я, с своей стороны...

– Прошу вас не касаться моей личной жизни, – вспыхнул черт, – и вообще, скажите, пожалуйста, кто из нас черт: вы или я? Вас спрашивают, вы и отвечайте: жизнь или смерть?

И опять думал сановник. И все не знал, на что ему решиться. И оттого ли, что мозг его портился с каждой секундой, или от природной слабости, стал он склоняться на сторону вечной жизни. «Что такое страдание? – думал он. – Разве не страданием была вся его жизнь, а как хорошо было жить. Не страдания страшны, а страшно то, пожалуй, что сердце их не вмещает. Не вмещает их сердце и просит покоя,

покоя, покоя...»

...В это время его уже везли на кладбище. И как раз около департамента, где он начальствовал, служили панихиду. Шел дождь, и все были под зонтиками, стекала с зонтиков вода и поливала мостовую. Блестела мостовая, а по лужам молчаливо топорщилась рябь, – был ветер при дожде.

«Но не вмещает сердце и радости, – думал сановник, уже склоняясь на сторону небытия, – устает оно от радости и просит покоя, покоя, покоя. У меня ли одного такое тесное сердце, или же так и всем на роду написано, но только устал я, ах, как я устал». И вспомнил он недавний случай. Это было еще до болезни. И собрались у него гости, и было почетно, весело и дружелюбно. Очень много смеялись, а особенно он, – раз даже до слез рассмеялся. И не успел он тогда про себя подумать: «Какой я счастливый», – как вдруг потянуло его в одиночество. И не в кабинет и не в спальню, а в самое одинокое место, – вот и спрятался он в то место, куда ходят только по нужде, спрятался как мальчик, избегающий наказания. И провел он в одиноком месте несколько минут, почти не дыша от усталости, предавая смерти дух и тело, общаясь с нею в молчании таком угрюмом, каким молчат только в гробу.

– А ведь надо поторопиться, – сказал черт угрюмо. – Скоро и конец.

Лучше бы он и не говорил этого слова: конец. Совсем было отдался сановник смерти, а при этом слове воспрянула

жизнь и завопила, требуя продолжения. И так все стало непонятно, так трудно для решения, что положился сановник на судьбу.

– Можно подписать с закрытыми глазами? – боязливо спросил он черта.

Черт искоса поглядел на него, качнул головой и сказал:

– Пустяки.

Но, должно быть, надоело ему возиться, – подумал, вздыхал и снова разложил перед сановником смятую бумажку, больше похожую на носовой платок, чем на такой важный документ. Сановник взял перо, стряхнул чернила раз, другой, закрыл глаза, нащупал пальцем место и... Но в последний момент, когда уже делал росчерк, не вытерпел и взглянул одним глазом. И крикнул, отшвырнув перо:

– Ах, что же я наделал!

Как эхо, ответил ему черт:

– Ах!

И заахали стены и потолок, стали сдвигаться, ахая. И захохотал черт, уходя. И, чем дальше он уходил, тем шире становился его хохот, терял отдельность, раскатывался страшно.

...В это время сановника уже зарывали. Мокрые, слипшиеся комья тяжело грохались о крышку, и казалось, что гроб совсем пуст, и в нем нет никого, даже и покойника, – так широки и гулки были звуки.

Правила добра

I

Кто не любит добра?

Случилось так, что некий здоровенный пожилой черт, по тамошнему прозвищу Носач, вдруг возлюбил добро. В молодости своей, как и все черти, он увлекался пакостничеством, но с годами вступил в разум и почувствовал святое недовольство. Хотя по природе он был чертом крепкого здоровья, но излишества несколько пошатнули его, и пакостничать уж больше не хотелось; склонность же к порядку – добродетель, весьма распространенная среди чертей, – твердый, положительный, хотя несколько и туповатый ум, некая беспредметная тоска, особенно овладевавшая им по праздникам, и, наконец, неимение опоры в семье и детях, так как Носач остался холостяком, – постепенно поколебали его убеждение, будто ад и адские порядки есть окончательное воплощение разума в бессмертную жизнь. Он с жадностью ис-

кал работы, чтобы отвлечься от своих тяжелых сомнений, и перепробовал ряд профессий, прежде чем надолго и окончательно не устроился при одной маленькой католической церкви во Флоренции в качестве соблазнителя. Тут он, выражаясь его словами, отдохнул душою; и тут же, по времени, было положено начало его новой подвижнической жизни.

Церковь была маленькая, и работы Носачу представлялось немного. От мелких пакостей, на которые так склонны юные черти, как-то: задувание восковых свечей, подставление ножки псаломщику и нашептывание молящимся старухам беспричинных гадостей, он уклонялся, чувствуя скуку, серьезное же дело не наворачивалось. Молящиеся все были люди скромные, тихие и дьявольским наветам поддавались туго: ни золотом, которого они не видали, ни огневой любовью, которой они не знали никогда, ни гордыми мечтаниями высокого честолюбия, совершенно чуждого их непритязательной жизни, не удавалось Носачу поколебать мир и тишину их неглубоких душ. Пустяковые же грехи они охотно творили сами, и не было у черта ни надобности, ни охоты даром тратить воображение на приискивание новых, тем более, что круг маленьких грехов весьма ограничен. Пытался он первоначально ввергнуть в бездну соблазна самого попа, но и тут потерпел естественную неудачу: поп был старенький, беззубый, наполовину впавший в детство – и, как дитя, невинный. Если черту и удавалось во время богослужения вышибить у попа из памяти необходимые слова и заменить их непод-

ходящими и даже соблазнительными; если удавалось обкормить попика кашей или заставить проспять утреннюю мессу, — то и в этом был только внешний, формальный грех, а грех настоящий отсутствовал: разницу между тем и другим прекрасно чувствовал прирожденный черт. И мало-помалу в свои прямые обязанности соблазнителя он начал вносить равнодушие и холод формализма: наскоро расскажет старухе неприличный анекдот, плюнет раза два-три в угол, заставит попика каждый раз в одном и том же месте перепутать слова и поскорее усядется на свое излюбленное место в тени колонны — по украденному молитвеннику внимательно следить за службой.

Такое времяпрепровождение, хотя и приятное, было, однако, враждебно деятельной натуре пожилого черта; и, незаметно для себя, он втянулся в обиход церковный, разделил интересы домоправительства, стал чем-то вроде второго сверхштатного сторожа. По утрам подметал церковь и чистил медные ручки, во время службы поправлял лампы и вместе с верующими гнусаво подтягивал клиру: «Ora pro nobis»¹. И, входя в церковь снаружи, он уже привычным жестом окунал лапу в кропильницу со святой водой и кропил себя, а когда все шли под благословение, то шел и он, слегка толкаясь, по своей грубоватой дьявольской привычке. В ред-

¹ Молись о нас (*лат.*). Полное Ora pro nobis peccatoribus — «Молись о нас, грешных». Фрагмент молитвы Ave Maria («Радуйся, Мария»), обращенной к Деве Марии. *Здесь и далее прим. ред.*

кие свои посещения ада, куда он являлся, как и все черти, с фальшивыми докладами, Носач все больше и больше преисполнялся отвращением к его шуму, гвалту, грязи и дикой неразберихе. Визгливые ведьмы, которым в свое время он отдал полную дань восторга, ныне преисполняли его чувством омерзения; и не одной из них с своею былою ловкостью он прищемил хвост в дверях, радуясь страху и мучениям несчастной.

И так как все непрерывно лгали, и каждое слово каждого было ложью, и сатана лгал впереди всех и за всех, то начинала с непривычки болеть голова, и скорей хотелось на воздух.

После одной из таких побывок Носач с особым удовольствием вернулся в тихую церковь и двое суток, как убитый, спал за колонной; проснувшись же, принял видимость и решительно направился к попику в исповедальню: был именно тот час, когда верующие исповедовались.

Попик очень удивился, что незнакомый пожилой господин с тщательно выбритым, сухим лицом, имевшим постное и даже мрачное выражение, благодаря огромному отвислому носу и резким складкам вокруг тонких губ, есть самый настоящий черт. Но, когда Носач клятвенно подтвердил свое заявление, стал с детским любопытством расспрашивать его об адских делах. Но черт только отмахивался рукой и угрюмо ворчал:

– Ах, и не говорите, святой отец, это – не жизнь, а чистый ад.

– А где же твои рога? – спрашивал поп. – И где же твои копыта? И ты зачем ко мне пришел: соблазнить меня хочешь или покаяться? Если соблазнить, то напрасно, – меня, сударь, соблазнить нельзя.

Попик засмеялся и похлопал его по плечу.

– А кашу помните? – угрюмо спросил черт.

– Какую кашу? – удивился попик.

– А на той неделе, в субботу, помните? Вы еще много съели, помните?

Попик заволновался:

– Так это ты мне?! Ай-ай-ай-ай-ай! Поди прочь! Поди прочь отсюда, не хочу тебя и видеть! Надевай свои рога и уходи, а то сторожа позову.

– Я покаяться пришел, а вы меня гоните! – уныло сказал черт. – Еще, сказано, одну заблудную овцу...

– Так ты и Евангелие знаешь! – удивился старичок. Черт строго и гордо ответил:

– Проэкзаменуйте.

– Так, так, так! Ты, значит, серьезно, – а?

– Проэкзаменуйте.

– Ну и удивил же ты меня... не знаю, как тебя назвать, ах, как удивил. Пойдем же ко мне, я тебя поэкзаменую: тут тебе пока не место. Скажите пожалуйста, черт, а Евангелие знает!.. Пойдем, пойдем!..

И целый вечер, у себя на дому, попик экзаменовал Носача и восторженно удивлялся:

– Да ты богослов! Ей-богу, богослов. Ты занимался, что ли, этими вопросами?

– Занимался-таки, – скромно подтвердил черт. Вообще, хотя он держался и скромно, но с большим достоинством, не лебезил, не забежал вперед, и сразу видно было, что это – черт строгий и положительный. Своими огромными познаниями он нисколько не кичился и все больше и больше нравился добродушному старому попику.

– Так чего же ты хочешь? – спросил поп.

Черт с размаху бухнул на колени и завопил:

– Святой отец, разрешите и научите меня творить добрые дела! Стосковался я о добре, святой отец. Жить не могу без добра, а как его творить, еще не ведаю. От сатаны же и от дел его отрекаюсь вовеки: тьфу, тьфу, тьфу!

Когда волнение поулеглось, попик благодушно потрепал черта по плечу, для чего ему пришлось приподняться на цыпочки: Носач чуть не вдвое был выше ростом. От прикосновения черт устранился, – он не любил фамильярного обращения, – и с угрюмостью, составлявшей главную черту его характера, настойчиво спросил:

– Так как же, святой отец, научите?

– Добру-то? Можно. Это можно! Но только знаешь ли ты творения святых отцов? В Библии ты силен, но этого, дружок, пожалуй, маловато. Да, маловато! Иди-ка погуляй, а я тебе вечером составлю списочек, что читать.

Черт уже выходил, когда попик, с любопытством глядев-

ший на его широкую спину, остановил его вопросом:

– Послушай, милейший: ты всегда это носишь?..

– Одежду?

– Нет, все это, – попик неопределенно очертил рукою фигуру дьявола, – вот у тебя нос этакой грушей... у тебя всегда так? И лицо у тебя очень постное, как будто ты мало кушаешь, и одежда у тебя черная... Мне это нравится, но всегда у тебя так или же ты имеешь и другой вид? Если имеешь, то покажи, пожалуйста: я хоть и стар, а чертей еще никогда не видал.

Дьявол мрачно солгал:

– Другого вида не имею.

– Нет? Ну что ж поделаешь: нет так и нет. Иди же, погуляй, а я поработаю. Хоть я давеча и сказал тебе комплименты, что ты богослов, но ты еще мало... – попик значительно поднял палец, – очень еще мало знаешь. Да!

– А про добро узнаю? Мне, главное, про добро узнать.

Попик успокоительно сказал:

– Про все узнаешь. Столько книг прочесть да не узнать: какой ты, брат, мнительный!

Два года сидел черт над книгами и мучительно доискивался: что есть добро и как его делать так, чтобы не вышло зла. С древнееврейским языком черт и раньше был хорошо знаком, а теперь изучил еще и греческий: все читал в подлиннике, сверял, отыскивал ошибки, доселе ускользавшие от общего внимания, не без остроумия и даже убедительно-

сти создавал новые богословские схемы, впадая в несомненную ересь. Совсем измучился и даже похудел, но ответа на свой вопрос так-таки найти не мог и впал под конец в отчаяние. Два года терпел, ничего, а тут так вдруг загорелось и так страшно стало, что пошел к попу среди ночи и разбудил его: помогите!

– Ну, говори, несчастный, что такое у тебя случилось?

– Да то и случилось, что прочел я все ваши книги, а как допрежде не знал добра, так и теперь не знаю. Жить мне тошно, святой отец, и тьма ночная пугает!

– Да все ли ты прочел? Ой, не пропустил ли чего? Тороплив ты, сударь.

– Сейчас последнюю кончил. Умен я, святой отец, вот в чем мое горе: ум у меня дьявольский, тонкий, не терпящий противоречия; и раньше я других на противоречиях ловил, а теперь вот и сам попался!

Попик укоризненно покачал головою.

– Мудрствуешь?

– То-то и беда, что мудрствую. Вон у добрых людей, рассказывают, голос такой есть, внутренний, указывающий пути добра, а какой может быть у дьявола голос? Только от ума и действует дьявол. А как начал я с умом читать эти ваши книги, так только одни противоречия и вижу: и то можно, и другое можно, и того нельзя, и другого нельзя. Вот хотел я для начала земной моей жизни вступить с хорошей женщиной в брак и совместно с нею творить добро, а как начитался

ваших книг, так и не знаю теперь: добро есть брак или зло.

– Могий вместити²...

– Вместить-то я много могу, да не знаю, что вмещать. Вот вы, святой отец, безбрачны, и в этом даже ваша святость, а патриархи не хуже вас были, а жен имели даже по нескольку. И не будь бы в браке святые отцы Иоаким и Анна, то не было бы у них дочери...

Попик даже испугался и замахал рукой отчаянно:

– Молчи, молчи, грешник! С тобой и говорить опасно, – того и гляди, сам в ересь впадешь! Уж лучше женись, если неможется.

– Да разве это ответ?

– А что же тебе надо, горделивый?

– А мне такого ответа надо, чтобы годился он на все времена и для всяких случаев жизни, и чтобы не было никаких противоречий, и чтобы всегда я знал, как поступить, и чтобы не было никаких ошибок, – вот чего мне надо. Жениться я погожу, а вы пока подумайте. Даю вам семь дней сроку, а не позовете меня через семь дней, вернусь я в ад, – поминай как звали!

Даже рассвирепел черт: вот до чего захотелось ему добра! Понял это добрейший попик и, не рассердившись нисколько, старательно думал шесть дней, а на седьмой позвал к себе дьявола и сказал:

– Черт ты внимательный, а главное-то в книгах и промор-

² Мф. 19:12.

гал, да. Читал, что сказано: возлюби ближнего, как самого себя. Ясно ведь, а? – торжествовал попик, – возлюби, – вот тебе и все.

Но измученный черт нимало не обрадовался и мрачно ответил:

– Нет, не ясно. Раз я про себя не знаю, что мне нужно, и желания мои неясны и даже противоречивы, то как же другому буду я благодеяния оказывать? Живым манером в ад его вгоню, опомниться он не успеет.

– Экий ты, – не знаю, как тебя назвать, – раскоряка! Ну не можешь ты, как самого себя, то просто возлюби. И когда возлюбишь, то все и увидишь, и все поймешь, и добро без усилий сотворишь: узенькая будет у тебя тропочка по виду, как канат натянутый, а никуда с нее не упадешь и ни в какую трясину не ввалишься.

– Возлюби! – мрачно ухмыльнулся Носач, – возлюбить-то я и не могу. Какой же был бы я черт, если бы мог возлюбить?.. Не черт бы я был, а ангел, и не я тогда у вас, а вы бы у меня учились. Поймите же меня, святой отец, потрудитесь: не могу я по природе своей любить ангельской любовью, но и зла делать не желаю, а хочу творить добро, – вот вы этому самому меня и научите.

Сказал попик сокрушенно:

– Природа твоя гнусная.

– На что гнуснее! – согласился черт угрюмо, – вот потому-то и бороться с нею хочу, а не камнем на дно идти. Не

для одних же ангелов небо, имею же и я право стремиться к небесам? – вот вы мне и помогите. Даю вам еще семь дней сроку, а не поможете, – махну на все рукою и провалюсь в тартарары!

Прошло еще семь дней, и, позвав мрачного черта, сказал ему попик следующее:

– По многом размышлении нашел я для тебя, несчастный, два весьма вразумительных правила: полагаю, что не промахнешься. Сказано: если кто попросит у тебя рубашку, то ты и последнюю отдай. И еще того лучше сказано: если кто тебя по одной щеке ударит, то ты и другую подставь. Делай так, как сказано, вот тебе и будет урок на первый раз, и сотворишь ты добро. Видишь, как просто!

Черт подумал и радостно осклабился:

– Это другое дело. Не знаю, как и благодарить вас, святой отец: теперь я знаю, что такое добро.

Но, оказывается, что и тут не узнал он добра. Прошло две недели, и уже стал успокаиваться обрадованный попик, как снова явился к нему черт; а был он мрачнее прежнего, на лице же имел кровоподтеки и ссадины, а на плечах, поверх голого и темного тела, трепалась совсем новенькая рубашка.

– Не выходит, – мрачно заявил он.

– Что не выходит? – встревожился попик. – Лицо у тебя такое неприятное, – ах, боже ты мой, – и над глазом синяк... а нос-то, нос-то!.. Что же это ты, милейший: пошел добро творить, а вместо того – подрался. Или, может быть, ты с

лестницы упал? – ничего я не понимаю.

– Нет, подрался.

– Да я же тебе говорил: еще кто ударит тебя по левой щеке, подставь правую. Помнишь?

– Помню. Две недели ходил я, святой отец, по городу и все искал, чтобы меня по щеке ударили, но никто меня не ударил, и не мог я, святой отец, выполнить завета добра.

– А драка-то? А это что же такое?

– Это совсем другое дело. Заспорил я с одним гражданином, и он меня ударил тростью по голове, вот по этому месту, – черт указал на темя. – Тогда я его, – так мы и подрались; и скажу вам не хвастаясь: я ему два ребра сломал.

Попик отчаянно замотал головой:

– Ах, господи, да ведь сказано же тебе: «Аще кто ударит тебя по левой щеке...»

Но черт кричал еще громче:

– Говорю же я вам: не по щеке, а вот по этому месту! Сам знаю, что, когда по щеке, нужно другую, а он по этому месту. Вот шишка, – попробуйте.

Руки опустились у несчастного попики. Отдышавшись, сколько следовало, сказал он с горечью:

– Ну и дурень же ты. Ум у тебя глубокий, человек ты, или как бы это сказать, высокообразованный, а в отношении добра любая курица больше тебя понимает. Как же ты не понял, что святые слова сии имеют распространительное толкование. Дурень ты, дурень!

– Вы же сами говорили – толкований никаких не надо.

– Да, – горько усмехнулся попик, – толкований никаких не надо, ты так думаешь! Ну что я буду с тобой делать, сам ты сообрази, ведь не могу же я с тобой по городу ходить. Сидел бы ты лучше дома. А что это за рубашка у тебя, – подарил кто-нибудь?

– Сам я хотел ее подарить, да никто так ни разу и не попросил. Две недели ходил я по городу среди самых бедных людей, и чего только у меня не просили, а рубашки так никто и не догадался попросить, – уныло вздохнул черт. – Видно, сами они не понимают, что такое добро.

– Ах, несчастный, – снова заволновался поп, – вижу я, что наделал ты большого зла. Просили тебя, говоришь, о многом?

– Просили.

– И хлеба, например, просили?

– Просили.

– А ты ничего и не дал?

– Я все ждал, чтобы рубашку попросили. Не ругайте же меня, святой отец, я и сам вижу, что плохо мое дело. Да ведь хочу же я добра, подумайте, не даром же я покинул ад со всеми его удовольствиями, не даром же я от сатаны отрекся, не даром же я два года, как студент, сидел над книгами. Нет, видно, не будет мне спасения.

– Ну, ну, погоди, не отчаивайся, я тебя еще поучу. А скажи, за что тебя гражданин-то этот палкой ударил? Может

быть, ты невинно пострадал, за это многое прощается.

Черт развел руками.

– Уж и не знаю: тогда думал, что невинно, а теперь начинаю и в этом сомневаться. Так было дело. После долгих моих скитаний по городу, утомленный, но по-прежнему пылающий жаждою добра, присел я на берегу Арно³ отдохнуть, чтобы набрать сил для нового хождения. И вижу: утопает в реке неведомый человек, закружило его водоворотом, и носится он с необыкновенной быстротою. Раз он проплыл мимо меня, и другой, и третий...

– И четвертый?

– Да, и четвертый. И пока я размышлял, отчего он не тонет, приписывая это чудесное явление силе невидимых подводных течений, собрался на его крик народ, и тут, – теперь мне стыдно об этом рассказывать, – произошла эта самая скверная драка. Должен вам пожаловаться, святой отец: меня не один этот гражданин, – меня и другие били.

Стоял черт, опустив длинные руки, бессильные творить добро, и отвислый нос его, пораненный ударом, выражал уныние и крайнюю тоску. Посмотрел на него попик искоса и недружелюбно, еще раз взглянул, радостно вздохнул почему-то и, подойдя близко, наклонил к себе тугую голову дьявола и поцеловал его в лоб. И тут еще заметил: на темени, у самого корня седых волос, запеклась кровь. Дьявол покорно принял поцелуй и шепотом сказал:

³ Арно – главная река Флоренции, протекающая через Тоскану.

– Страшно мне, святой отец! Видел я в аду крайние ужасы, до последнего страха касалась моя душа, но не трепетала столь мучительно, как теперь. Есть ли что страшнее: стремиться к добру так неуклонно и жадно и не знать ни облика, ни имени его! Как же люди-то на вашей земле живут?

– Так и живут, миленький, как видишь. Одни в грешном сне почивают, а кои пробудились, те мучатся и ищут, как и ты, с природой своей борются, мудрые правила сочиняют и по правилам живут.

– И спасаются? – недоверчиво спросил черт.

– А это уж одному богу известно, и нам с тобой в этот конец даже и заглядывать не годится. Да ты не отчаивайся, миленький, я уж тебя не оставлю, я тебя и еще поучу, у меня много времени свободного. Черт ты старательный, и все у тебя пойдет по-хорошему, только в уныние не впадай да ранку на голове промой холодной водой, как бы не разболелась.

Так кончили они разговор; и не знали они оба, ни огорченный унылый дьявол, ни сам попик с благостной душой, когда он лобызанием любви касался противного дьявольского чела, а дьявол, в свою очередь, жалел жалостью любовной мечущихся людей, что как раз в эту минуту совершалось то самое добро, имени и порядка которого тщетно доискивались оба.

Так и разошлись, не зная: попик – к себе, приискивать новые правила добра для поучения, а дьявол к себе, в темноту запыленных углов, чтобы там зализывать раны и тщетно до-

прашивать Бога об его грозных и непонятных велениях.

II

Вот и снова начал благостный поп обучать добру непокорную дьявольскую душу, – но тут-то и начались для обоих самые тяжкие мучения.

Пробовал попик давать подробные наставления на разные случаи жизни, и выходило хорошо, пока случаи совершались в том самом виде и в том самом порядке, в каком предназначал их его наивный ум. Не только со старательностью, а даже и со страстью, проявляя силу воли необыкновенную, черт выполнял предписанное. Но всего многообразия жизненных явлений не мог уловить в свои плохонькие сети человеческий ум, и ошибался черт ежеминутно. В одном месте сделает, а рядом пропустит, потому что вид другой и слова у просящего не те; а то бывает, что и вид тот, и слова те самые, но либо какого-нибудь слова черт не дослышит, либо не так поймет, – и опять ошибка, человеку обида, а добру поправление. Уже и у попаика начал мутиться разум: никак он до тех пор не предполагал, чтобы столько было у жизни лиц,

темных загадок, вопросов неразрешимых.

«И откуда все это берется? — думал попик, пока черт в углу зализывал новую рану или тяжело вздыхал от гнетущего бессилия. — То ничего не было, а то вдруг так все и полезло, так все и полезло. Тут не только черт, а и священнослужитель не разберется. Но как же я раньше разбирался? — удивительно! Боюсь я этого, а ничего не поделаешь: надо попробовать распространительное толкование. Дам ему этакие общие законы, а он их пусть распространяет... Только бы не вышло чего, о Господи!»

И на распространительное толкование черт покорно согласился: измучился он к этому времени до последней крайности и готов был на всякие жертвы, — да не принимались его жертвы. Били его столько, что за одно это он мог бы попасть в мученики, а выходило так, что и побои не только его не украшали, а налагали ярмо все нового и нового греха. Ибо за дело его били, и не могли этого не признать ни он сам, ни его великодушный покровитель. Уже и плакать черт научился, а раньше совсем как будто и слез не имел. Плакал он столько, что, казалось бы, за одни эти одинокие слезы и неутолимую тоску о добре мог бы попасть он в угодники, а выходило так, что и слезы не помогали, ибо не было в них творческой к добру силы, а только грешное уныние. Только и надежды, теперь оставалось что на распространительное толкование.

И совсем приободрился черт и даже с некоторою гордостью сказал попу:

– Теперь вы за меня, святой отец, не бойтесь: теперь я и сам могу. Это раньше мне трудно было, а раз теперь вы допускаете толкование, я уж не собоюсь. Ум у меня положительный, твердый, пить я уж давно ничего не пью, и никаких ошибок теперь уже быть не может. Только вы не таитесь от меня, а прямо скажите самый важный и самый первый закон, по которому жить. Когда этот закон исполню, тогда вы и другие мне скажете.

Собрал всю свою науку, все свои соображения старый попик, взглянул и в душу к себе, – вздохнул радостно и не совсем решительно сказал:

– Есть один такой закон, но только боюсь я тебе его открыть: очень он, как бы это сказать, опасен. Но так как на все есть воля Божия, то, так и быть, открою, ты же смотри не промахнись. Вот смотри.

И, раскрыв книгу, трепетно указал черту на великие и таинственные слова:

Не противься злу⁴.

Но тут и черта покинула его гордыня, как увидел он эти страшные слова.

– Ох, боюсь, – сказал он тихо. – Ох, промахнусь я, святой отец!

Было страшно и попу; и молча, объятые страхом, смотрели друг на друга черт и человек.

⁴ Мф. 5:39.

– Попробуй все-таки, – сказал наконец поп. – Тут, видишь ли, хоть то хорошо, что тебе самому ничего делать не нужно, а все с тобой будут делать. Ты же только молчи и покоряйся, говори: прости им, Господи, не ведают, что творят. Ты эти слова не позабудь, они тоже очень важны.

Вот и ушел черт в новые поиски добра; два месяца пропадал он, и два месяца, день за днем, час за часом, в волнении чрезвычайном поджидал его возвращения старый поп. Наконец вернулся.

И увидел поп, что черт совсем исхудал, – одна широкая кость осталась, а от мяса и след пропал. И увидел поп, что черт голоден, жаждет, до голого тела обобран придорожными грабителями и много раз ими же избит. И обрадовался поп. Но увидел он и другое: из-под закосматившихся бровей угрюмо и странно смотрят старые глаза, и в них читается все тот же непроходящий испуг, все та же неутолимая тоска. На силу отдышался черт, харкнул два раза кровью, точно по каменной мостовой бочонок из-под красного вина прокатили, посмотрел на милого попа, на тихое место, его приютившее, и горько-прегорько заплакал. Заплакал и попик, еще не ведая, в чем дело, и наконец сказал:

– Ну, уж говори, чего наделал!

– Ничего я не наделал, – печально ответил черт. – И было все так, как и надо по закону, и не противился я злему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.